

Панель 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вопросы для обсуждения:

1. Политическая власть в России: историческая традиция и современность.
2. Тенденции партийно-политического развития России и проблемы формирования гражданского общества.
3. Наиболее вероятные сценарии политического развития России.

*В.Н.Дахин,
доктор исторических наук, ИМЭМО, Интерцентр*

Дуализм общественно-политической жизни России (к вопросу о влиянии исторической традиции)

Сложнейший период, переживаемый современным российским обществом, требует тщательного изучения, поскольку несет в себе ряд особенностей, позволяющих говорить как о предельной хрупкости развивающихся процессов, так и об их резком несоответствии реальному положению. Налицо неадекватность возникающих механизмов партийно-политической системы тенденциям современного развития. Эти особенности настолько своеобразны, что применительно к ним нельзя использовать общепринятые при политическом анализе термины и критерии, не оговаривая каждый раз их конкретное содержание или условность применения.

В первую очередь это относится к основным составляющим политического процесса не только в России, но и во всем бывшем СССР, идет ли речь о "переходном" периоде или о конкретных формах становления "молодой" демократии, государственности, многопартийности. Но прежде, чем рассматривать эти основные составляющие, необходимо, на наш взгляд, ответить на три группы вопросов.

Во-первых, можно ли рассматривать события августа—декабря 1991 г. и сентября—декабря 1993 г. как этапы революционного перехода от вялотекущей эволюции 1985—1991 гг. к "молодой" демократии? То есть имела ли место смена отношений собственности и правящих классов или речь идет о смене старых правящих групп

новыми, ранее периферийными и маргинальными, но в рамках одного господствующего слоя? Иначе говоря, сменился ли деструктивный этап развития конструктивным или продолжается структурный распад тоталитарного общества и системы? От ответа на этот вопрос зависят: оценка политического кризиса в России; практически автоматический перенос всех кризисных процессов, развивавшихся в СССР, на Россию, включая и прогрессирующий распад Федерации, раскол общества; объяснение особенностей охватившей общество политической борьбы, которая фактически ведется за власть как самоцель.

Вторая группа вопросов касается российской государственности: состоялась ли Россия как новая великая держава или мы имеем дело с "несложившимся" государством, не только не определившим форму своего устройства (федерация, асимметричная федерация, унитарное государство), но и не осознавшим еще своих национальных интересов и соответственно не нашедшим своего места ни в пространстве бывшего СССР, ни в мировом сообществе? Третья группа вопросов вытекает из двух первых: адекватна ли намечающаяся форма государственно-политического устройства реальным процессам, развивающимся в России? Иначе говоря, утвердилась ли в сознании основной массы населения новая структура ценностей, связывающая понимание демократии с определенной политической системой?

Скорее всего, ответы на все эти вопросы будут отрицательными, и потому придется констатировать, что процесс распада тоталитарного общества и его политической системы продолжается. Только на этом фоне можно понять природу политического кризиса и его ход, положение страны и особенности становления партийно-политической системы. Продолжается процесс структурного распада с разрушением всех ее положительных элементов, отрицанием любого позитивного опыта, даже того незначительного, что был накоплен в ходе самого кризиса. Следовательно, мы имеем дело не с кризисом власти, а с властью кризиса, когда логика распада тоталитарной системы воспроизводится в самом течении политического кризиса "новой", еще не оформившейся системы, диктует форму ее развития. В первую очередь это относится к формирующейся новой государственно-политической системе, так называемой "молодой" демократии. Однако, на наш взгляд, эта "молодая" демократия унаследовала все родовые особенности традиционной русской государственности, которая уже не раз терпела историческое крушение (1905—1917, 1985—1991, 1991—1993 гг.). Объективной необходимостью выхода из тупика не только "советской модели", но и противоречий всего предшествующего периода развития, являлась модернизация. И в силу исторических традиций подход к ней принял привычные формы не эволюции и реформы, а революционного навязывания сверху моделей, чуждых даже для породивших их стран-эталонов, при сохранении старого взгляда на власть как самоцель этой модернизации.

Такой ход модернизации определен исторически привычным дуализмом общественно-политической жизни, фактическим отчуж-

дением общества от процесса формирования реальной политики. Отечественная политическая культура складывалась как синтез нескольких политических культур: автохтонной, западно-европейской, восточной (Степь), византийской. От всех них власть — российская государственность — унаследовала далеко не лучшие черты: авторитарность, надобщественный, а впоследствии надпартийный характер, исключая возможность либерально-демократической эволюции общества.

И в этой политической культуре, основывающейся на отчуждении общества от власти, не было места основным принципам демократии как пути общественного развития: принципу разделения властей, их сменяемости в условиях конкуренции политических интересов, правовым основам жизни. Именно политическая культура, породившая дуализм, дала новым правящим группам монополию на демократию, понимаемую как форма навязывания такой политической системы, которая сохранила бы надобщественный характер власти. С этой точки зрения понятны искаженное толкование принципа разделения властей и их взаимодействия, произвольная трактовка результатов голосований и референдумов, конфронтационный характер разрешения противоречий любого рода.

Автономная от общества власть не нуждается в широкой социальной базе — она развивается по собственной логике самосохранения: феодальная монархия эволюционировала в абсолютизм, пролетарская демократия — в тоталитаризм, "молодая" демократия — в авторитаризм. Общественно-политическая жизнь, возникающая на базе объективных изменений в социально-экономической жизни, всегда являлась периферийной и маргинальной по отношению к власти.

Власть апеллирует к обществу лишь в моменты утверждения новых правящих групп, а затем воспроизводит привычное отчуждение и действует автономно, следуя своему пониманию стратегии модернизации на базе данной, обычно умозрительной модели развития. Не нуждаясь в поддержке общества, власть фактически игнорирует его интересы и настроения. Векторы движения, совпадающие лишь в моменты утверждения нового режима, снова начинают расходиться: общество движется в никуда, в очередное мифотворчество, старые и новые группы правящего слоя делят власть. Вариантность развития перестает существовать. Так же как несколько десятилетий назад характер магической формулы имели слова "социализм" и "коммунизм", в конце 80-х — начале 90-х годов таким закливанием становится слово "рынок", в равной степени привлекательное, мифическое, загадочное и манящее способностью разрешить все проблемы общества.

Дуализм предопределяет тупики очередной модернизации и параллельность развития общества и власти, он обусловлен не только сущностью последней, но и своеобразием самого российского общества. Дело в том, что общество и личность в нем всегда были маргинальными по отношению к власти. Все предыдущие попытки мо-

дернизации не затрагивали социальную ткань общества, сохраняя ее на сословном (дореволюционная Россия) или маргинальном (советская Россия), но всегда социально однородном уровне. Этим правящие группы стремились обезопасить себя от общественного вмешательства и давления со стороны солидарных социальных групп, возникающих или могущих возникнуть. Их развитие сдерживалось либо сохранением сословной иерархии, либо физическим истреблением и политикой социального смещения, либо созданием политической системы, не допускающей их вмешательства во властные отношения.

В силу такой политики формируется закрытое безгражданское общество, которым легко управлять и манипулировать, а сохранение такого общества предопределяет тупик очередной модернизации прежде всего потому, что социально однородное общество управляемо лишь до определенного предела, оно имеет свою особую психологию, логику ценностей и поведения. В нем преобладают деструктивные настроения, и оно способно воспроизводить лишь традиционные политические стереотипы: тотальное отрицание прошлого, разрушение и анархию, восторженное мифотворчество при воссоздании исторически привычных авторитарных форм организации жизни. Обе эти тенденции, проявляющиеся в современной России, имеют общую социальную базу. А отсутствие субъектов перехода — безгражданское состояние общества — ведет к тому, что обе крайние тенденции действительно реальны, порождая раскол общества и до предела ослабляя его влияние на характер власти.

Потребность "быть кем-то", обостряющаяся в условиях социально-го распада и нарастающего экономического кризиса, используется утверждающимися у власти элитами. Власть легко может сохранять свой надобщественный характер, когда общество расколото и разобщено. Радикализация, в отличие от активности гражданского общества, является, как правило, признаком неблагополучия системы, симптомом ее кризиса. Но радикализацию можно поддерживать и искусственно, для чего борьба лидеров и группировок переводится в крайние формы национальных, межнациональных, клановых и региональных противоречий. При этом нетрудно подменить власть закона "революционным правом", зависящим от обстановки и (или) интересов какой-либо группы.

Все происходящее полностью укладывается в общественно-политические традиции нашего общества. Несколько столетий русская передовая мысль добивалась парламента и получила Думу, которая покорно давала себя распустить царским рескриптам. Год бушевала революция, добиваясь Учредительного собрания, но достаточно было матроса с винтовкой, чтобы завершились конституционные страсти Февраля. Несколько лет новая демократия совершенно искренне боролась за свободные выборы, но стоило новому парламенту по-своему оценить ситуацию, как власть, увидевшая в этом посягательство на свои prerogatives, начала сперва публичное обсу-

дение вопроса "зачем нам этот парламент?", а затем решила проблему новой Конституции и нового парламента "вне рамок конституционного пространства". И этот вопрос задавали именно добивавшиеся свободных выборов. Вторая Государственная дума была распущена из-за отказа отстранить 55 депутатов от работы и лишить 16 из них депутатской неприкосновенности. А радикальные демократы "образца 1993 г." горячо приветствовали силовое разрешение конфликта властей, разрушившее основы правового государства в современной России.

После силового решения конфликта властей началась вялая избирательная кампания, в которой "иллюзия победы" — выдуманной на референдуме в апреле 1993 г. и реальной 3—4 октября 1993 г. — продиктовала пассивность проправительственных групп. Правда, не приходилось и говорить о радикализации общества — в массе своей оно осталось инертным, пассивным и почти равнодушным к политическим баталиям в верхах, но не к политике правящей группы. Это четко зафиксировали результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 г., хотя обстановка внешнего равнодушия позволяла агрессивному меньшинству либо по-прежнему выступать от имени всего общества, либо обвинять это общество, отказавшее ему в доверии.

Видимо, в этом и заключается особенность кризиса теперь уже российской государственности. Ложная идентификация личности, групп, народов, вылившаяся в искаженную политическую идентификацию, вела к постановке целей, достижение которых предлагаемыми методами в России нереально. В строгом соответствии с законами нового мифотворчества выдвигается задача скачкообразного перехода общества в качественно новое измерение, в другую систему ценностей. (Характерные примеры этого — программа "500 дней", программа финансовой стабилизации или споры о том, как строить СНГ — по принципам Общего рынка или Британского содружества.) Но эти ценности и идеалы существуют, как правило, лишь в воображении политиков, которые берут их из идеализируемого опыта других стран и времен.

Абстрактный конструктивизм новых правящих групп, попытки механического использования чужого опыта и, как следствие, тупики социально-экономической политики ведут к подмене реального политического процесса поиском всеобщей панацеи, способной в единый по историческим масштабам миг изменить ситуацию. Этот процесс развивается также в соответствии с законами маргинального сознания, убежденного в способности власти, независимой от общества и персонифицированной, осуществить реформы. Если же общество их отторгает, то власть должна заставить общество принять реформы. Так, подводя итоги последних парламентских выборов, Г. Якунин заявил: "Вероятно, в нынешней ситуации в России было бы целесообразно вводить прямое президентское правление, осуществлять реформы, и через год-полтора в случае, если бы экономическое положение улучшилось, демократы имели бы шанс победить на парламентских

выборах"*. Но это мнение радикального демократа. Гораздо опаснее, на наш взгляд, рассуждения интеллектуалов, своеобразно учитывающих русскую традицию "человека монопольного", сосредоточившего в своих руках необъятную власть: "И опыт показывает, что только соединение в одном лице носителя абсолютной власти и автора идей может породить действительно реформатора"***.

Эта убежденность в безальтернативности авторитаризма в России обусловила особенности так называемого конституционного процесса — возникновение тезиса, что во имя демократии можно использовать силу, жертвы на пути к ней неизбежны. Отсюда идеализация авторитарического и авторитарного пути Чили и Испании (человека можно заставить быть свободным). Преобразовать политическую систему тоталитарного общества эволюционным путем не удалось по многим причинам. Одной из них стали попытки найти выход в создании некоей "авторизованной" демократии — полуавторитарной системы, основанной на харизме личности Горбачева и построенной под эту личность правовой системе. Однако на роль авторитарного лидера претендовали несколько лиц и поддерживающих их групп. В результате возник межгрупповой конфликт, разрешенный силовыми методами (развалом государства), который был перенесен на ставшие суверенными части бывшего СССР после провозглашения суверенитета России и победы группы Ельцина***.

В России преодоление тупиков развития и государственного строительства шло по обычной схеме восстановления автономии власти: через монополию на демократию переход к авторитарной модели с опорой на узкую социальную группу или без нее (создание привычного образа надобщественной и надпартийной "народной власти"). Для этого культивировался миф об идеальности единственной модели развития, сначала предлагаемой, а затем и навязываемой, раскол общества на "мы" и "они". И наконец, после нескольких попыток было осуществлено закрепление авторитарной модели через разгром одной из ветвей власти и быстрое принятие новой Конституции, легитимизирующей модель личной власти.

Ради легитимизации этой новой модели были разрушены основы складывающегося правового государства, что создало угрозу перспективам сохранения самой Конституции: если дозволено отменить обычным актом одну, то почему нельзя этого сделать и со второй? Таким образом, процесс создания новой политической системы принял, с нашей точки зрения, искаженные формы: произошла подгонка основного закона под складывающийся режим личной власти. Более того, новая Конституция, создаваемая под определенную личность (персонифицированная демократия), ликвидировала разделение властей, подчинив законодательную и судебную власти

* Независимая газета. 1993.21 декабря.

** Мегapolis-Экспресс. 1993. 22 декабря.

*** Уже этот недавний опыт должен был бы насторожить создателей новой Конституции.

исполнительной (хотя именно нерешенность этой проблемы породила идею о непригодности Советов в демократической системе). При этом сам способ разработки проекта Конституции и форма ее принятия снова вышли за рамки правового государства.

Напомним, что для разработки проекта нового Основного закона исполнительной властью было создано Конституционное совещание — внезаконный полуобщественный орган с неопределенными полномочиями и неясными принципами формирования и представительства. Так, в разработке основного закона приняли участие Союз целителей России, творческие союзы, но был отстранен ряд влиятельных политических организаций коммунистической ориентации. Разработка Основного закона носила чисто аппаратный характер, а последние поправки в проект вносил лично глава государства.

Сама идея совершенного закона, способного спасти страну, сродни мифу о единственном выходе из социально-экономического кризиса и, как показывает исторический опыт, в основе своей бесплодна и опасна. Для того чтобы Основной закон был способен легитимизировать политический процесс, он должен фиксировать только основные принципы развития страны. Такой характер имеет американская Конституция, регламентирующая часть которой достаточно кратка и относится лишь к функциям государства. Это позволяет развивать конституционные принципы в текущем законодательстве государства и его составных частей — штатов. Универсализм общих положений обеспечил Основному закону долгую жизнь и возможность его пополнения без изменения генеральных принципов. Столь же декларативный характер обеспечил универсализм Декларации прав человека и гражданина, первых поправок к Конституции США, известных как Билль о правах, Декрет о мире и т.п.

Второй путь обеспечения универсальности Основного закона заключается во введении в него программных принципов, которые после их реализации становятся универсальными положениями или удаляются из Конституции без ее изменения. На достаточно длительный срок эти принципы определяют политику модернизации вне зависимости от соотношения политических сил в стране. Примером может служить Конституция Итальянской республики, программный характер которой обеспечивает ее стабильность и спустя полвека после принятия.

Новая Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 12 декабря 1993 г., отражает в основном властное понимание демократии, ее личностный характер, фиксирует и регулирует процессы и тенденции, развивающиеся в основном в воображении политиков. Прежде всего это касается права частной собственности на землю — положения этого права были развиты в отдельном Указе еще до принятия Основного закона. Предполагается, что таким образом будет создан класс земельных собственников, которых современные российские политики уже называют фермерством. В условиях реальной России такой закон, а тем более конституционная норма приве-

дут скорее к сосредоточению земли в руках немногочисленного слоя "новых русских" в качестве недвижимости, но не орудия и средства труда.

Персонифицированная российская демократия в принципах, закрепленных в Конституции, приобретает привычные авторитарные черты надобщественной власти с традиционным приматом политики над социально-экономической сферой. Принцип разделения властей нивелируется сведением исполнительно-законодательных и контрольных функций в единый центр, к одной личности — президенту*. И речь уже идет не только о принципах, но и о целенаправленной деятельности по концентрации власти.

Таково в общих чертах влияние исторического дуализма власти и общества на становление новой общественно-политической системы. Даже теперь, после выборов в Федеральное собрание, показавших предельное сужение социальной базы реформ, власть по-прежнему не только не ищет общественной поддержки, но, напротив, все более отчуждается от общества. Тем самым упускается возможность сгладить негативные последствия реформ при помощи социального согласия.

Однако дуализм общественно-политической жизни вряд ли мог бы иметь тенденцию к возрождению, если бы не существование безгражданского общества. Его распад позволяет выделить еще два элемента, определяющих становление новой государственности в России. Во-первых, отсутствие на современном этапе и в ближайшей перспективе гражданского общества как субъекта реальной политики, так как даже его зародыш — потенциальный средний класс — люмпенизирован реформами. Во-вторых, своеобразие социальной стратификации в форме распада моносоциального общества: образование компрадорской буржуазии и тесно связанной с ней новой бюрократии, государственной буржуазии, корпоративное обособление отдельных профессиональных групп, пролетаризация и, следовательно, новая маргинализация основной массы населения.

Никто из них в обозримом будущем не может стать реальным субъектом нормального гражданского общества. Это относится и к подавляющему числу нынешних партий, общественных движений, профсоюзов, предпринимательских организаций. Поэтому по-прежнему малоэффективными оказываются их попытки воздействовать на власть или на реальную политику. Борьба между этими организациями — пока еще потенциальными субъектами гражданского общества — происходит за близость их лидеров к власти или долю в ней, а сами организации, утрачивая массовость, становятся все более элитарными, клановыми, регионально-групповыми. Даже

* Эту роль нового парламента особо отмечают на Западе: "И г-н Ельцин вовсе не обязан по Конституции сменить хотя бы одного министра в своем правительстве, да и вообще принимать в расчет Федеральное собрание"//Нью-Йорк таймс. 1993. 21 декабря; 1994. 3 января.

в старом парламенте расстановка сил соответствовала скорее настроениям в обществе, чем сложившейся партийно-политической структуре. Именно поэтому партийная структура России была практически смыта при первых обострениях кризиса. Реальным политическим субъектом могла бы стать церковь, но в ней возобладала та же тенденция — стать частью властных структур, а не основой христианского общественного движения. "Церковь у нас, — отмечает исследователь, — находится в глубоком кризисе: она ушла от своего истинного назначения — работать в определенном срезе реальности — и ударилась в суету, пытаясь сегодня найти свою долю собственности, не упустить место под солнцем"*.

Отсутствие гражданского общества и, следовательно, субъектов и объектов модернизационного процесса, равно как и попытки их искусственного создания, делают абстрактными цели самой модернизации. В этом случае избранный и дважды подтвержденный (1991 и 1993 гг.) радикальный путь неизбежно ведет к изоляции реформаторских групп, дискредитации принципов демократии, эффекту "бегства от свободы". Более того, на этом пути вполне реальной и неизбежной становится тенденция перехода к авторитаризму во внешне демократических формах. Тенденция такого рода уже стала реальностью в сегодняшней политике. Таким образом, становится невозможным эволюционный путь утверждения либерально-демократических принципов.

Более или менее реально просматривается третий, синтетический путь — олигархического режима под прикрытием авторитарных или на первом этапе псевдodemократических форм политической системы. Успех этой тенденции напрямую зависит от того, сформировались ли интересы тех групп, которые смогут составить или уже составляют ядро олигархии: нарождающейся компрадорской и финансовой буржуазии, старой, т.е. партийно-хозяйственной, или новой политической элиты, охлократических групп, новой государственной буржуазии, интеллектуалов и т.д. Этот режим, в отличие от авторитаризма, имеющего тенденцию перерастания в тоталитаризм, открывает некоторую вариантность в развитии страны как в сторону укрепления авторитаризма (скажем, в форме режима личной власти), так и в сторону либерально-демократической эволюции (через полосу новых социально-политических потрясений).

В любом случае ни одна из указанных выше тенденций, кроме авторитарной, еще не обозначилась реально и четко, а путь силового решения социально-экономических и политических противоречий создал опасные прецеденты. Таким путем можно лишь снять остроту конфронтации, но не устранить ее причины. Впереди — новый этап структурного кризиса, диктующего обществу свои законы и логику развития.

* Мегалополис-Экспресс. 1993. 22 декабря.